

Владимир Башунов.
Фото Ивана Казанцева¹

Господи, как мы бедны! Прекрасные книги с живым человеческим сердцем, которые могли бы утешать столько уставших людей по Руси, издаем тиражом в тысячу экземпляров, так что не хватает и читателям своего города — какая уж Русь! И, Господи, как мы богаты, потому что такие книги выходят по всей русской провинции от края до края, и сколько там свежих и ясных голосов, сколько «покоя и воли», сколько печали и силы!

Подлинно — время поэзии! И чем меньше поэтического в подлой реальности, тем целомудреннее и бережнее русские музы. Хватает, конечно, и крику, патетики, голой публицистики в патриотической нынешней поэзии, как хватает и брезгливой иронии, и мстительно-го бесстыдства в поэзии «демократической», но существо, но сердцевина жизни определяется не этим светливым, торопящимся «на люди» ремесленным стихотворным людом, а спокойным, по-крестьянски несуетливым русским поэтическим «ополчением», которое вроде рассеяно по земле и не ведает друг о друге — по Вологдам и Ярославлям, Благовещенским и Иркутским, Мурманским и Краснодарам, но на деле держит родное слово как хорошее оружие — в чистоте и готовности. А с ним и русскую душу.

Счастливым и ободряющим даром была мне явившаяся из Барнаула книга Владимира Башунова «Полынья». Я давно люблю этот глуховатый голос, где заслоняющийся от зла жизни грустной улыбкой, а где бесстрашно доверчивый, знающий, что простосердечие и любовь оскорблены быть не могут. Как долго я его не слышал! А вот, оказалось, через весь хаос и необратимость перемен — все тот же, сдержанный и опрятный, как крестьянская изба перед добрыми людьми, вечерне-покойный и зрело-неторопливый.

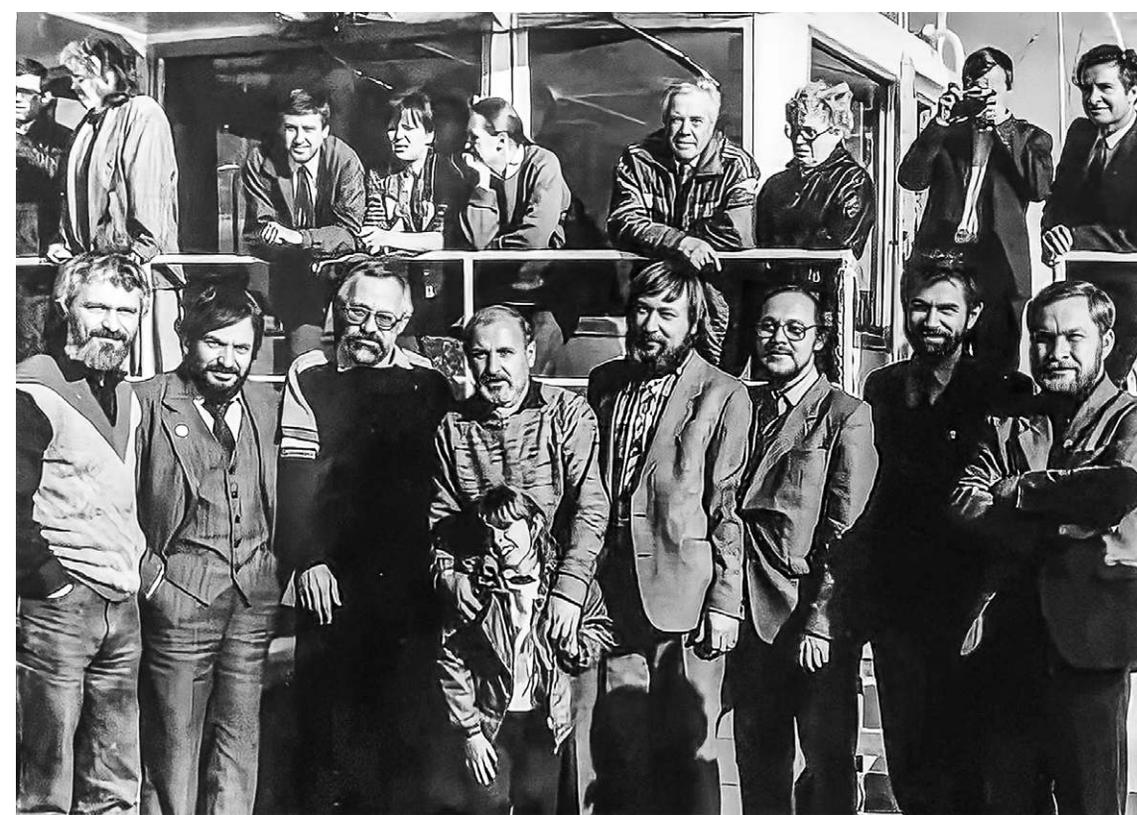
Лучшей проверкой подлинности сказанного поэтом было то, что я открыл только что полученную книгу в деревне Борки, где жил последние годы великий крестьянский публицист И.А. Васильев и где он до кончины своей завел обыкновение перед Днем Победы собирать деревню на Праздник фронтовой поэзии. Выступали не одни поэты. И я ходил с утра по окрестностям, слушал, как шумит ветер, соловьи голоса пробуют, глядел, как озябла вода в озере, как подснежники съжились от холода, и все думал, что же сказать, когда сойдутся деревенские и съедутся иногда неблизкие гости. И чтобы сбить эти разнообразные вопросы, я открыл Башунова. И как все оказалось кстати — вот это бы и прочитать, это бы и сказать уставшим людям. И ничего, что тут о войне ничего нет, — тут о более беспокойном на нынешний час все сказано. Между нами было четыре тысячи верст, но что это для русского человека, живущего и страдающего одним, думающего в одно сердце, одинаково болеющего о земле, которая всем нам и материнское лоно, и колыбель, и укор незаживающий.

Повыбиты сёла, распяты,
почти что на нет сведены!
Никто не боится расплаты,
поскольку не слышит вины.

Никто ничего не боится,
ничто ни о чём не болит.
Лишь воздух ночной шевелится,
когда в поселковой больнице
хрипит и во сне матерится
несдержанный инвалид.

А ведь действительно «никто ничего не боится» и подлинно «не слышит вины». Научились всяк своего виноватого подставлять, отчего так скоро устает душа и часто безвольно опускаются руки: «Родина чужеет, жизнь пустеет./Кто и что тут может изменить?» Усталости только начни потакать, она быстро локти расставит и пойдет занимать в тебе пядь за пядью, пока из слова не выветрится всякое значение и речь не опустеет,

¹Автор фотографии Иван Иванович Казанцев, фотограф и кинолюбитель, преподаватель Турочакской средней школы. Предположительно фото сделано в Турочаке в 1970 годах.

Фотография из семейного архива Башуновых. В верхнем ряду в центре стоят Виктор Петрович Астафьев и его жена Мария Семёновна. В первом ряду в центре с девочкой, внучкой Астафьевых, — Владимир Башунов

а с нею опустеет и мир — тогда уж говори — не говори — все едино, все будет только «слова, слова, слова...»

Хорошо было жить между строк:
мало скажешь, а вроде намёк
на большое на что-то.
Вроде, ты удалец и мудрец...
Но пришел синекуре конец,
и сползла позолота.
Говори то, что есть, если есть,
да не вскользь, да не после, а днесь
говори без оглядки.
Заостри свою мысль и стило...
Эвон, сколько души утекло,
сколько мути в осадке.

.....

Нынче можно, да чтой-то мне лень.
Или вовсе мозги набекрень,
или всё — не угнаться
с иноходцем моим напрямик
за народцем лихим, что привык
ничего не стесняться.

Нынче сняты запреты с письма,
нынче умников тьма-перетьма,
даже куры не дурры.
Нынче можно, а я не хочу.
Потому невпопад пошучу:
тяжело без цензур!

Только разве это он о цензуре? Он — о порядке жизни, об «узде» человеку, который с нашей «всемирной отзывчивостью» может завиться в такие «свободные» подражания, что проснется и не узнает себя. Блок еще был уверен, что, отдавая себя («...какому хочешь чародею»), Русь все останется собой («...не пропадешь, не сгинешь ты»), а мы уж понажили опыта и уверены поменьше,

боясь вместе с И.А. Ильиным, что сегодня «рождается нечто новое, невиданное, связанное с Россией лишь месторазвитием да языком». Это он в 1930 годы писал, а нынче уж и языком мы рискуем с собой не совпасть — настолько и в нем пустились сдаваться расторопным «чародеям».

Но когда бы в книжке было только это, она при всей горечи и справедливости была бы лишь одним из обычных нынешних поэтических упражнений на ту же вполне безопасную «бесцензурную» тему. Но тут, слава Богу, все время идет рядом материнская нота надежды и в самом русском слове таящееся православие, знающее, на каком пороге остановиться, чтобы не впасть в смертный грех отчаяния. Вот вроде начнет совсем о том же, общем, бессильном: «Что стихи? Отпустил — и пропали./Что дружки? Напились — и ушли./Затуманились выси и дали./Одиноко вблизи и вдали./Нету отзыва — жизнь безотзывна./Нету цели — бесцельна стезя», а в конце вдруг возьмет да повернет так по-русски ясно и по-крестьянски просто, что сразу и видно настоящую неодолимую кровь родной веры, все время теплящую во тьме свечу правильного зрения: «Верить миру смешно и наивно,/а не верить грешно и нельзя».

²Фотография не подписана — ни где, ни кто, ни что. Однако многое удалось узнать с помощью писательского сообщества в социальной сети facebook. Фотография выполнена на Красноярской пристани во время проведения Дней литературы. Большинство высказывается за 1987 год. Один из участников форума Вячеслав Сухнев предложил сфотографировать всем бородатым. Так и выстроился первый ряд. Слева направо: Сергей Задерев (Красноярск), Анатолий Байборodin (Иркутск), Вячеслав Сухнев (Москва), Владимир Башунов (Барнаул), Сергей Федотов (?) (Красноярск), Павел Полуян (Красноярск), Юрий Егоров (Барнаул), Михаил Щукин (Новосибирск). В верхнем ряду известны Олег Пащенко (слева в очках), Марина Ганичева (рядом с В.П. Астафьевым), Анатолий Козлов (крайний справа).

Владимир Башунов

***

И сжечь ещё тетрадь.
Ещё тетрадь раскрыть.
Легко было начать,
да нелегко забыть.

Твердили дома: «Брось,
а то ни спать, ни есть».
Хотел — не удалось.
Откуда шло — бог весть.
В насмешку ли, во зло,
во счастье ли — как знать?
Цело, кипело, жгло,
а не давалось взять.

Зато, когда звезда
стояла меж дерев,
издалека тогда
мне слышался напев.

Зато я знал в руке
живого слова дрожь.
И голос вдалеке
был так на мой похож.

ПРОЩАНИЕ С ОЗЕРОМ

Евгению Гуцину

Не видно Озера в тумане.
Шумит Кокши за валуном.
Мы чай заварим на бадане,
по кружкам жарко расплеснём.

До каждой жилки он достанет,
густой почти до черноты.
И снова сердцу больно станет
от обступившей красоты.

Забрать её — не хватит взгляда.
Забрать — что заживо зарыть.
Не знаю, Женя,
может, надо
срубить избу в тайге — и жить?

Держать, как встарь, рыбацью лодку,
ружьё да плотницкий топор,
а для друзей — табак и водку,
да задушевный разговор.

Не знаю, Женя.
Сердцу смутно,
желанный чай не веселит.
Неужто все сиюминутно,
что в нас ликует и болит?

И за кормою теплохода
истает эта красота,
как наши мысли,
наши годы,
как наши память и мечта?

Грешно, грешно не верить в силу Родины, в историческое ее здоровье. Ну да, заплутались, ослабели волей и зрением, сбились с пути, предали родное слово, искалечили память, но материнская-то жизнь, но природа-то милая, но вера, но свет минувшего никуда ведь не делись, и стоит на минуту опамятоваться, они тут как тут и уж опять держат нас: «Но там, посредине ли, с краю,/держась неизвестно на чём,/горит уголёк не сгорая,/посвечивая лучом», горят осенями по нашим дворам мальвы и золотые шары спасительно-целостного детства и ждут нашего взгляда, чтобы помочь нам прийти в себя и опять внезапно с вразумляющей ясностью как впервые увидеть: «Не всё, не всё потеряно меж нами,/не вся любовь размыкана по ветру/и сердце, оглушённое разладом,/хранит в себе незамутнённый звук». Хранит как оберегающий камертон, неприкосновенный, не человеческой, а Божьей волей и замыслом Родины хранимый запас.

Тяжело-то, тяжело, горе накопилось и едет с нами, как в балладе А.К. Толстого, готовое вот-вот раздавить богатырского коня, и не сбросить его, но можно понять, разглядеть, не пряча взгляда, на каких путях оно собралось и как преодолеть его пониманием. И.А. Ильин в эмиграции, без всякой надежды, а вон с какой верой писал: «Чего от нас требует это трагическое время? А оно требует... чтобы мы не пугались судьбы, ниспосланной нам свыше, но спокойно и мужественно принимали ее и вытекающие из нее задания». Вот дорогое слово — «задания судьбы». Почаще бы как поэт находить силы оглядеться в себе: «Это я на треть всего снаружи,/а две трети в месте потайном.// Поздней ночью все угомонятся,/я крестом свой угол огражу,/я скажу двум третям: ну-ка, братцы,/покажитесь, дайте погляжу.// Дайте погляжу, каким когда-то/был задуман волей вышних сил./За какое серебро и злато/кто вас в тёмный угол оттеснил?»

И как вот так без страха поглядишь, то и поймешь: и чем спасителен и что хочет сказать внезапно просивший денек и почему мужики в деревне, погоревав и позлословив, идут себе и поперек сказанному строят да пристраивают родные углы, и почему душа при всей усталости побуждает Владимира Башунова закончить свою мужественную зрячую, неуклончивую, негромкую, но ободряюще-цельную и русским-русскую по интонации книгу так спокойно и так ободряюще высоко:

Всё, всё вернется, что любимо было
и что душа до времени забыла.
Забыла ль?
Затаила про себя
и стережёт, ни в чём не загубя,
ни в малой малости.
Нет убыли того,
что было всем. Такое вещество
душа, такая особь и особа:
живёт своим укладом, никому
не подчиняясь, Богу одному,
и за хозяйством нашим смотрит в оба —
нет убыли ему...

Вот это и есть лучшее понимание «заданий судьбы» — «вернется все... нет убыли ему». И надо только глядеть прямо, не обманывая себя, не потакая наглости дня и помнить свое национальное «верую».

Так мало. Так много!

г. Псков. 1998 год

***

На двенадцати подводах едет зимняя ночь,
едет, ленно понукает, не торопится.
Будет времечко подумать, кто задуматься не прочь,
пока небо за окошком поворотится.

Поворачиваясь, небо, не шатаясь, не скрипя,
поворачивает время задом наперёд, —
точно жемчуг из пучины, ниткой памяти скрепя,
выбирает и выбрасывает на берег.

Любо-дорого забраться одному, без сторожей,
в закоулки прежней жизни, дальше отчества:
к Шевардинскому реду от крестьянских мятежей
и в Михайловские пущи одиночества.

Ничего там не поправить, ничего не подсказать,
никого не остеречь там, но сторонкою
незамеченным протопать след за войском под Казань,
неуслышанным наведаться к Саровскому.

Слава Богу, все там живы, все при деле и уме,
есть на что полюбоваться, где постранствовать,
пока едет непоспешно ночь на горний свет, — во тьме
просиявший над российскими пространствами.

МГЛА

— *Господи, хоть бы за обувью последил,
вечно не мыта, не чищена...
Из домашних попреков*

За душой не услезу — за обувью
я б еще следил!

За Непрядвой кони ржут? За Обью ли
звяканье удил?

Мгла течёт, и лаёт див на западе.
Бесам — несть числа.
Лопнули подпиленные запани —
родина ушла.

И лежит, родимая, в бурьяне,
где-нибудь на острове Буяне,
или затонула в глубину,
словно Китеж-город в старину.

Мгла течёт, по весям расточается,
мир свистит в кулак.
Только б не запить и не отчаяться,
а, Иван-дурак?

За Непрядвой, Обью, Енисеем ли,
зреет в пашнях гром.
Иль не сами мы его рассеяли?
Инда соберём!

А на том ли острове Буяне
рыщут по чащобам басурмане,
роют землю, чуют: русский дух
истоньшился, смерк, а не затух!

МОЛИТВА СЕРГИЯ

о. Михаилу (Капранову)

1

В колодезный сруб, как в затмившийся век, заглянуть,
в прохладную темень и глубь, и в зеркальном квадрате
увидеть своё отраженье средь пешая рати
Димитрия — русские двинулись в путь

к Непрядве. Кликуши и вороны, кышь!
Кольчужка дырява, но я не сробею в той битве.
И ангелы реют, и Сергей стоит на молитве,
шепнувши пред этим Димитрию: «Сим победишь!»

2

В затмившийся век, как в колодезный сруб, опусти
рассеянный взгляд и ленивую мысль — хоть от скуки.
Ты видишь ли Сергея? Слышишь ли стоны? И стуки
щитов или копий? Не видишь? Не слышишь? Прости.

Как всё обернулось! Гуляет презрительный шиш.
И жизнь не кончается? странно... И все не в утрате?
Чу! Сходятся снова две веры, две воли, две рати...
Но Сергей стоит на молитве — и сим победишь!

***

Правда справдится — разве не так
говорит собирательный опыт?
Разве мрак, набегая на мрак,
не родит в себе злобу и ропот?

Только ропот и злобу одни,
только пустошь и тёмные силы.
Разве даром блуждают огни,
где всхолмляются, множась, могилы?

Разве сердце не плачет тайком
о любви, о надежде, о вере?
Разве Бог открывает пинком
двери в мир или райские двери?

***

Крещенские морозы отстояли,
и прибыл день на воробьиный скок.
Угрюмый дух (как Меньшиков в опале),
высвобождаясь из одежд и склок,
яснеет и смягчается — не слёг
под гнётом холодов. — Но дале, дале
что мыслится и вычислен ли срок?

Как знать нам то, чего до нас не знали!
Утешимся: ведь свет пошел на прибыль.
Утишимся: в гордыни правды нет.
А если гибель близко — примем гибель,
как чей-то помрачившийся привет.